

ДЕРИВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКИХ И УЗБЕКСКИХ ПОСЛОВИЦАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Ахмадиллаева Замира Рустамовна

учитель начальных классов, школы №8 города Ферганы

Аннотация: Данное исследование посвящено сопоставительному изучению деривационных моделей имён существительных, функционирующих в составе русских и узбекских пословиц и поговорок. На материале паремиологических сборников русского и узбекского языков рассматриваются продуктивные словообразовательные типы существительных – суффиксальный, префиксально-суффиксальный, безаффиксный (бессуффиксный), сложение основ, а также агглютинативные аффиксальные модели, специфичные для узбекского языка.

Ключевые слова: словообразование, деривационная модель, имя существительное, пословица, паремиология, сопоставительное языкознание, русский язык, узбекский язык.

Словообразовательная система языка представляет собой один из наиболее динамичных уровней его структуры, чутко реагирующий на потребности номинации и оценки окружающей действительности. Особый интерес для исследователя представляет функционирование деривационных моделей в текстах устного народного творчества, и в частности в пословицах и поговорках, поскольку паремиологический жанр в силу своей краткости и афористичности предъявляет особые требования к отбору языковых средств: производное существительное здесь должно не только точно называть предмет или явление, но и нести дополнительную экспрессивно-оценочную нагрузку, способствующую реализации дидактической функции пословицы.

Сопоставительное изучение деривационных моделей существительных в русском и узбекском пословичном материале представляется актуальным по ряду причин. Русский и узбекский языки принадлежат к языкам различного морфологического строя – флективному и агглютинативному соответственно, что предопределяет принципиальные различия в устройстве их словообразовательных систем. Вместе с тем оба языка обладают богатым и хорошо сохранившимся паремиологическим фондом, в котором словообразовательные процессы находят яркое и системное отражение. Сопоставление словообразовательных моделей на паремиологическом материале позволяет не только описать типологические различия между флективным и агглютинативным словообразованием, но и выявить универсальные механизмы, посредством которых язык создаёт экспрессивно окрашенную, оценочную лексику, необходимую для реализации назидательной функции пословицы.

Теоретическую базу исследования составили труды по русскому и общему словообразованию, в частности работы, посвящённые системному описанию словообразовательных типов и гнезд русского языка [1]. В соответствии с традиционным для отечественной дериватологии подходом под деривационной

моделью понимается схема построения производного слова, включающая производящую основу, словообразовательный формант (аффикс либо иное средство деривации) и словообразовательное значение, объединяющее ряд однотипных производных слов.

Применительно к тюркским языкам, в том числе к узбекскому, принципиальное значение имеет агглютинативный характер словообразования, при котором каждый аффикс, как правило, выражает одно грамматическое или словообразовательное значение и присоединяется к основе в строго определённой последовательности, не сливаясь с ней фонетически и морфологически, как это происходит при флективном словообразовании [2, с. 58–64]. Данное структурное различие является ключевым для сопоставительного анализа словообразовательных моделей русского и узбекского языков и должно учитываться при интерпретации количественных данных, полученных на паремиологическом материале.

Материалом исследования послужили пословицы, извлечённые из сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа» [3], а также узбекские пословицы (мақоллар), представленные в фольклористических сборниках узбекского языка [4]. Методом сплошной выборки было проанализировано более двухсот пятидесяти пословиц каждого языка, содержащих производные имена существительные, установленные посредством словообразовательного анализа с опорой на данные словообразовательных словарей [1; 5].

Анализ русского пословичного материала показал, что ведущим способом образования производных существительных в паремиологическом тексте является суффиксация. Наиболее продуктивной оказалась модель образования существительных со значением деятеля или носителя признака по схеме «глагольная / именная основа + суффиксы -тель, -ник, -щик/-чик»: работник, лентяй, обманщик, лежебока (последнее – образование сложно-суффиксального типа). Показательны пословицы «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда», «Работнику полтина, мастеру рубль», в которых существительные работник и мастер, образованные от соответствующих глагольных и именных основ, выступают в оппозитивных отношениях, организующих смысловую структуру всего высказывания.

Второй по продуктивности является модель образования отвлечённых (абстрактных) существительных при помощи суффиксов -ость, -ство, -ение/-ание: жадность, богатство, терпение, старание. Данные существительные обычно занимают в пословице позицию предиката оценки, ср.: «Терпение и труд всё перетрут», «Жадность фраера сгубила». Специфической чертой русского паремиологического словообразования является высокая продуктивность существительных с уменьшительно-ласкательными и уничижительными суффиксами -ок, -ек, -ушк-, -ишк-: дружок, хлебушек, умишко, денежка. Функция подобных дериватов не столько номинативная, сколько экспрессивно-оценочная: посредством уменьшительного суффикса пословица либо выражает ласковое, доброжелательное отношение к называемому предмету («Хлеб-соль кушай, а правду слушай»), либо, напротив, придаёт

существительному пренебрежительный, иронический оттенок («У него умишко, а не ум»).

Менее продуктивными, но регулярно представленными являются модели безаффиксного образования отглагольных существительных (переход – от переходить, ходьба – от ходить с суффиксом -б-) и модели сложения основ (сорвиголова, зубоскал), которые благодаря своей внутренней форме обладают повышенной образностью и часто становятся опорными компонентами пословичного образа.

В узбекском пословичном материале, как и следовало ожидать, ведущую роль играют агглютинативные аффиксальные модели, принципиально отличные по своему устройству от русской суффиксации. Наиболее продуктивной оказалась модель образования существительных со значением деятеля при помощи аффикса -чи, присоединяемого к именной основе: чорвачи (скотовод, от чорва – скот), дехқончи (земледелец), балиқчи (рыбак, от балиқ – рыба). Показательна пословица «Ишчи ишлаб тўймайди, ишқмас ўйлаб тўймайди» («Работающий не наестся, работая, а лентяй – размышляя»), где производное существительное ишчи (работник, от иш – дело, работа) образовано по данной модели и выступает смысловым центром паремии.

Значительной продуктивностью в узбекском паремиологическом материале обладает также модель образования абстрактных (отвлечённых) существительных при помощи аффикса -лик/-лик, присоединяемого к именным и адъективным основам: дўстлик (дружба, от дўст – друг), камбағаллик (бедность, от камбағал – бедный), яхшилик (добро, добродетель, от яхши – хороший). Ср.: «Яхшилик қил, дарёга ташла» («Делай добро, брось в реку»), где существительное яхшилик, образованное присоединением аффикса -лик к прилагательному яхши, называет абстрактное морально-этическое понятие и выполняет ту же прагматическую функцию, что и соответствующие русские дериваты на -ость, -ство.

Заметной продуктивностью характеризуется также модель образования существительных со значением орудия или средства действия при помощи аффикса -гич/-қич: очқич (ключ, открывалка, от оч- – открывать), кесгич (резак). Кроме того, в узбекском языке широко представлено словосложение (қўшма сўз), при котором два самостоятельных существительных объединяются в единую номинативную единицу: томорқа (приусадебный участок), белбоғ (пояс, от бел – поясница и боғ – завязка), что структурно сближает данную модель с русским сложением основ, хотя механизм соединения компонентов в агглютинативном языке носит более простой, аддитивный характер, без интерфиксации, характерной для русских сложных слов.

Сопоставление деривационных моделей существительных, выявленных в русском и узбекском пословичном материале, позволяет сформулировать ряд обобщающих наблюдений.

Во-первых, оба языка демонстрируют высокую продуктивность моделей образования существительных со значением деятеля (русск. -тель, -ник, -щик; узб. -чи), что свидетельствует об универсальной значимости категории деятеля для паремиологической картины мира: пословица в обеих лингвокультурах активно оперирует образами «работника», «лентяя», «мастера», воплощающими типовые

социальные роли и трудовые установки. Структурное различие заключается в механизме присоединения форманта: в русском языке суффикс нередко видоизменяет фонетический облик основы (чередования, усечения), тогда как в узбекском языке аффикс -чи присоединяется к основе без каких-либо морфонологических изменений, что является прямым следствием агглютинативного строя языка.

Во-вторых, продуктивные модели образования абстрактных существительных морально-этической семантики (русс. -ость, -ство; узб. -лик/-лик) в обоих языках выполняют сходную функцию – служат средством номинации оценочных понятий, формирующих дидактическое содержание пословицы. Однако при этом узбекский аффикс -лик/-лик отличается значительно более широкой сочетаемостью, присоединяясь как к именным, так и к адъективным основам, что делает соответствующую модель более регулярной и продуктивной по сравнению с русским материалом, где выбор конкретного суффикса (-ость, -ство, -изна и др.) в значительной степени лексикализован и не поддаётся столь строгой формализации.

В-третьих, специфической чертой русского паремиологического словообразования является продуктивность экспрессивных моделей с уменьшительно-ласкательными и уничижительными суффиксами, не имеющих прямого структурного аналога в узбекском материале: агглютинативная морфология узбекского языка располагает собственными средствами выражения субъективной оценки (например, аффиксом -ча со значением уменьшительности: болача – ребёночек), однако их продуктивность в пословичном тексте оказалась заметно ниже, чем у соответствующих русских моделей, что можно объяснить как структурными, так и стилистическими особенностями узбекской паремиологической традиции, тяготеющей к более нейтральной, сентенциозной манере изложения.

В-четвёртых, модель словосложения представлена в обоих языках, однако носит различный структурный характер: в русском языке сложные существительные пословичного фонда нередко осложнены интерфиксацией и суффиксацией одновременно (сорвиголова, зубоскал), тогда как в узбекском языке словосложение носит более простой, чисто аддитивный характер, без промежуточных соединительных морфем, что вновь находит объяснение в различии морфонологического строя двух языков.

Наконец, следует отметить, что, несмотря на структурные различия словообразовательных систем, оба языка обнаруживают общую тенденцию к активному использованию деривационных ресурсов для создания экспрессивно и оценочно маркированной лексики, что представляется закономерным следствием прагматической природы пословицы как жанра, ориентированного на убеждение и нравственное назидание адресата.

Проведённый сопоставительный анализ деривационных моделей имён существительных в русском и узбекском пословичном материале показал, что при принципиальном структурном различии словообразовательных систем двух языков, обусловленном их различной морфонологической типологией, паремиологический фонд обоих языков демонстрирует сходные функциональные тенденции: активное

использование словообразовательных ресурсов для номинации деятеля, абстрактных морально-этических понятий и экспрессивно-оценочной лексики. Русскому языку в большей степени свойственна суффиксальная деривация с развитой системой экспрессивных уменьшительно-ласкательных и уничижительных формантов, тогда как узбекскому языку – регулярная агглютинативная аффиксация, характеризующаяся высокой степенью формальной и семантической прозрачности производного слова.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с более детальным изучением взаимодействия деривационных и семантических процессов внутри отдельных тематических групп существительных, а также с расширением материала за счёт региональных вариантов пословиц и привлечением данных других тюркских языков для уточнения типологического статуса выявленных закономерностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. – М.: Русский язык, 1985.
2. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 446 с.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник. – М.: Художественная литература, 1989. – 431 с.
4. Ўзбек халқ мақоллари / тузувчи Ш. Шомақсудов, Ш. Шораҳмедов. – Тошкент: Ўзбекистон, 2003. – 512 б.
5. Ҳожиев А. Ўзбек тили сўз ясалиши тизими. – Тошкент: Фан, 1979. – 108 б.